

Ковалева Е. В.
**ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ТРУДАХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО
И С.Н. БУЛГАКОВА**

В истории европейской философии XX век был отмечен интересом к проблеме языка. Целый ряд ее направлений так или иначе обращен к данной теме – это и логический позитивизм, и феноменология, и экзистенциальная философия, и активно развивающиеся семиотическая и герменевтическая школы. При этом в качестве принципа, объединяющего различные направления, можно назвать антропоцентрический субъективистский подход. Язык в европейской философии последнего столетия выступал либо как инструмент, приспособленный и приспособляемый для познавательных и коммуникативных задач, либо как объект и результат многовекового коллективного творчества, служащий для созидания и понимания культуры. Так, Ю. С. Степанов выделяет два направления, последовательно сменяющие друг друга в европейской философии языка на протяжении XX века: «философию предиката» и «философию эгоцентрических слов»¹. При этом развитие обоих направлений идет по пути усиления прагматических и субъективистских тенденций, на что указывает само понятие «эгоцентризм».

По-своему тема языка преломилась и в русской религиозной мысли начала XX века. К ней последовательно обращаются крупные представители русского христианского платонизма П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев. Можно отметить, что и здесь обращение к проблеме слова было вызвано практическими нуждами, однако эта «прагматика» имела своеобразный характер. Интерес к языку в русской философии был инициирован спором вокруг аскетической молитвенной практики – имяславия. Спор о почитании Имени Божьего, о действенности Иисусовой молитвы остро поставил вопрос о бытийном статусе имени и, в конечном итоге, слова и языка. При этом представители русской религиозной философии решительно встают на сторону имяславия, стремясь подвести под сложившуюся молитвенную практику теоретическую базу. Не случайно к этой проблеме обращаются наиболее последовательные платоники: именно платонизм с его метафизическим реализмом, с утверждением первичности идеи, объективирующейся в понятии, создает благоприятную почву для онтологизации имени, для придания слову статуса объективного бытия.

¹ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 2010.

Русская религиозная философия, с одной стороны, встраивается в русло европейской мысли, обращаясь к насущной для нее проблеме языка. С другой стороны, задачи и подходы к ее решению существенно отличаются представителей отечественной философии: вместо антропоцентризма и субъективизма здесь обнаруживается объективизм, основанный на теоцентризме и космологизме; вместо философии предиката – философия имени.

Эта тенденция заметна уже в работах Павла Флоренского, которого можно считать основателем философии имени в русской религиозной мысли. Имя для него не условный знак, не случайная маркировка, оно имеет собственную сущность, обладающую активностью и накладывающую некоторый отпечаток на именуемого. В результате существования имя оказывается неразрывно связанным с определенным образом. Как пишет Флоренский, «когда складываются в типический образ наши представления, то имя завивается в самое строение этого образа, и выделить его оттуда удастся не иначе, как разрушая самый образ»¹.

В своей концепции имени Флоренский делает шаг в сторону метафизического реализма. Имя в языке обладает для него высшей степенью онтологизма, но и язык в целом не случаен и не искусственен, он есть некий умный организм. При этом «материя, воплощающая смысл речей, есть не условная безразличная масса, а самая суть языка, наше существо, мы сами»². В то же время в его взгляде на язык серьезную роль играют культурологическая и антропологическая составляющие. Объективность слова для него – это, скорее, объективность культурной ментальности. Он пишет: «Я не могу, не разрывая своих связей с народом, к которому принадлежу, а через свой народ – с человечеством, - не могу изменять устойчивую форму слова и сделать внешнюю форму его индивидуальной, зависящей от лица...»³. Устойчивость, онтологичность слова определяется культурно-историческими традициями, его эстетическая выразительность раскрывается в произведениях литературы – неслучайно в рассуждениях о строении слова Флоренский привлекает достаточно большое количество поэтических текстов. Привлечение поэзии отражает свойственный ему интерес к субъективной стороне слова, к его связи с жизнью души. Весьма показательны здесь рассуждения о семеме, содержательном значении слова: «...нам важно высказать то, что **мы** хотим высказать, нам нет дела до общего или даже всеобщего этимологического значения слова, коль скоро этим словом не выражается именно **наше** заветное... Но именно поэтому,

¹ Флоренский П. А. Имена. – М., 2007. – С. 122.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С.187.

³ Там же, с. 233.

что семема безусловно непринудительна, вполне неустойчива, моя, вечное мое проявление, она не дана в чувственном восприятии...¹. Истоки смысла связываются здесь с глубинами человеческой личности, с ее самораскрытием. При этом смысл не укладывается полностью в рамки внешней, объективной формы, а как бы витает между словами.

В концепции Павла Флоренского слово антиномично, оно и субъективно и объективно, и устойчиво и текуче, и скрыто и явлено. Оно всегда элемент живой и неповторимой речи, представляющей собой двуединый процесс «...взаимодействия энергии индивидуального духа и энергии народного общечеловеческого разума»².

Философия языка Флоренского, во многом базируется на культурологических и антропологических основаниях. Однако антропология его как представителя платонической традиции имеет связь с космологией. Как отмечает А. Я. Кожурин, «человек для Флоренского включен в некие родовые и этнические общности, а с другой стороны родственен, «равномощен» миру как целому, является микрокосмом»³. Связь человека и мира оказывается не менее существенной, чем связь человека и культуры, так что человек «оказывается конспектом мира, а мир – раскрытием человека»⁴.

Космологическую линию философии имени, намеченную Павлом Флоренским, активно развивает в своих работах С. Н. Булгаков. Взаимоотношения человека и Космоса как воплощенного софийного замысла Творца становятся краеугольным камнем его учения об имени – онтология слова выстраивается преимущественно на этом основании. Установка на объективизм и онтологизацию слова носит у него осознанный и последовательный характер. Так же, как и у Флоренского, она связана с позицией по проблеме имяславия. Последняя глава «Философии имени» Булгакова носит богословский характер и посвящена вопросу почитания Имени Бога, предшествующие главы подводят под нее широкий философский фундамент. Также важной и осознанной задачей для О. Сергия было противодействие психологизму и конвенционализму западной философии языка. На страницах книги он неоднократно подчеркивает негодность психологического и субъективистского подхода. «Слово в существе своем, - пишет он, - совершенно не может быть истолковано психологически, в психологических терминах»⁵. Это бессилие

¹ Там же, с. 237.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 234.

³ Кожурин А. Я. Философия культуры П. А. Флоренского // Проблемы культуры в русской философии II половины XIX — начала XX веков. СПб., 2001, http://anthropology.ru/ru/texts/kozhurin/cult_04.html.

⁴ Там же.

⁵ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 32.

психологии объясняется тем, что слово не случайная маркировка смысла, а объективное явление, отражающее внутреннюю сущность вещей: «слово так, как оно существует, есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова...»¹. Вслед за Флоренским Булгаков обнаруживает антиномичность слова, однако антиномия разворачивается не в плоскости культурологии - «индивидуум – общность», а в плоскости космологии - «человек – природа».

Интерес к космосу, природе, материи – отличительная особенность философии Булгакова, однако его «материализм» является относительным, это материализм в рамках идеализма, он подчинен платоническим установкам и ограничен ими. Поэтому связь между словом и миром выстраивается им через посредство таких понятий, как смысл, идея, форма.

Устойчивость слова, языка как объективного явления во многом связана для Булгакова с понятием формы. Он считал, что «слово есть определенная форма, реализуемая разными путями, но первоначальным материалом имеющая артикулируемый органами речи звук»². То есть, слово, хотя и может существовать идеально или «ноуменально» в мышлении, возникает все же в «материи» звука, и возможности артикуляции накладывают отпечаток на его форму. Такая материя звука оказывается предзаданным условием возникновения идеальной формы. Однако особенность слова заключается в том, что материя, будучи условием возникновения формы и средством ее актуального проявления, не является для слова «достаточным наполнением». Замкнутая схема «форма – материя» оказывается недостаточной для описания такого сложного объекта, как слово, и требует усложнения – кроме идеальной формы и звуковой материи, слово в качестве «необходимого содержания» несет в себе смысл. Смысл также тесно связан с формой, как форма с материей звука: «Значение имеет *всякое* слово, нет слов бессмысленных, слово есть смысл»³. Булгаков не проводит границы между значением и смыслом – смысл рассматривается как сущность значения. Здесь встает вопрос об онтологическом статусе «значения-смысла». В поисках ответа на этот вопрос о. Сергей обращается к платонической концепции и терминологии: «Язык имеет также и вспомогательные слова, смысл которых понятен лишь в контексте речи; оставляя пока в стороне такие слова, чтобы не усложнять вопроса, мы должны сказать, что *всякое* слово, означает *идею...*»⁴.

¹ Там же, с. 38.

² Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб, 1999. – С. . 17

³ Булгаков С. Н. Указ. соч. – С. 18

⁴ Там же.

Связывая слово и идею, Булгаков утверждает: «существует столько же слов, сколько и идей с их бесконечными оттенками и переливами»¹. Доказать это утверждение достаточно сложно – факт наличия различных языков ставит его под сомнение. И все же о. Сергей идет по этому пути, выстраивая концепцию неизменного онтологического ядра слова и апеллируя к теории единого протоязыка. Таким способом он подходит к решению проблемы взаимоотношений мышления и материальной реальности – слово трактуется как выражение объективной истины о мире. «Слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание». ² Слово, мысль, идея, космос соединяются у Булгакова так, что слово выступает как прямое выражение истины бытия, сущности мира.

Таким образом, Сергей Булгаков выражает и обосновывает онтологичность слова, его связь с объективным миром, с космосом. Однако при этом обозначается другая проблема – проблема роли человека в формировании языка. Антропологический аспект порой кажется совершенно несущественным в его рассуждениях о слове: «не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят»³.

Рассматривая проблему языка Булгаков, как и Флоренский, обращается к поэзии. При этом он отдает предпочтение ее малым формам – в небольших по объему поэтических произведениях слово может обнаружить всю свою значимость, «неслучайность». Именно талантливый поэтический текст доносит до нас отголоски того первоначального языка, в котором форма и содержание, звучание и смысл находились в точном и гармоническом соответствии. Таким образом, поэзии у Булгакова присуща «непринужденность» – поэт должен быть ведом музой, стихи не придумываются, а прозреваются в стихии языка; они «сами себя сочиняют». Поэт мыслится здесь как медиум, он подобен пифии, улавливающей и передающей идеации Космоса. Можно заметить, что подобные представления в век символизма носились в воздухе и составляли часть «мифологии» поэтического творчества. Характерным является известное высказывание А. Ахматовой: «Стихи диктует голос, а я лишь записываю». Сходная идея о высшей мудрости языка, проявляющейся в поэзии, высказывалась и Максимилианом Волошиным. Поэт писал: «Стих рифмованный – это храм мистических откровений, скрытых в

¹ Там же.

² Там же, с. 21

³ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 34

словах. Созвучие слов указывает на их внутреннее сродство в иной сфере – надо найти путь между ними здесь, в мире пластики и мысли»¹.

Обращение к античным источникам, к традиции греческого идеализма позволяет Сергею Булгакову поднять слово на высокую ступень онтологической значимости. Можно заметить, что его философия имени уходит в этом направлении дальше, чем концепция Флоренского. Однако путь космологического оправдания языка дает мало возможностей для понимания «человеческого измерения» слова. Согласно Булгакову, подлинная поэзия, обладая высшей степенью воздействия на самого поэта, на слушателей, на мир, практически не выражает индивидуальности художника. Автор выступает, скорее, как транслятор, и его одаренность – способность слышать чистые звуки поэзии и передавать их словами, не замутненными ничем случайным и суетным.

Гусев Д.В.

ОПРАВДАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ КАК ЛЕЙТМОТИВ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ С.Н. БУЛГАКОВА

Ю.Ф. Карякин в своей книге «Достоевский и Апокалипсис» писал: «...Культура противостоит небытию. Культура утверждает и спасает бытие путем его одухотворения. <...> И весь прогресс человечества – это непрерывное его самоспасение от нарастающей смертельной угрозы путем самовозвышения, одухотворения»². Угроза распада духовного мира личности и самой культуры в наше время созвучна с ситуацией рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, когда эта проблема стала ключевой для мыслителей Серебряного века. В частности, и для о. С. Булгакова важнейшим направлением всего его творчества стала борьба против остро ощущаемой угрозы разложения начал культуры и человека. Обостренное эсхатологическое мироощущение, сопровождавшее понимание о. С. Булгаковым и другими русскими религиозными философами Серебряного века проблем культуры и личности, тесно связано с переломным характером исторической эпохи, с предчувствием наступления катастрофических и трагических событий. Во многом близкое по напряженности эсхатологическое мироощущение стало характерной чертой мировоззрения и современного человека. Поэтому трактовка человека как творца социокультурной и природной реальности в эсхатологической перспективе, которую мы встречаем в религиозной философии Серебряного века, остается для нас по-прежнему актуальной.

¹ Волошин М. Записные книжки. – М., 2000. – С. 122.

² Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009. С. 12.